

Куба – любовь моя. Глава первая. Долгожданная Гавана

В октябре, ноябре и декабре мы публикуем в нескольких частях воспоминания инженер-геолога Николая Афанасьевича Самуся о его работе на Кубе 1980-х годах. В этих воспоминаниях много личного, не связанного с профессией. Ведь специалистов тогда приглашали не на один месяц, с собой разрешали перевозить всю семью. Поэтому предлагаемый рассказ интересен скорее с точки зрения истории. Но и для профессионалов найдутся полезные главы, рассказывающие об особенностях работы российских инженер-геологов за рубежом.

**Николай Афанасьевич Самусь
ООО «ГеоСИМ»**

Наконец-то многолетние ожидания, кажется, заканчивались: 19 ноября 1984 в трест пришёл такой долгожданный факс (рис. 1).

Начались срочные сборы. Надо было в 3 дня собрать необходимые документы в разных организациях, договориться с Митричем об уходе за дачей, сдать дочери моей сотрудницы по тресту квартиру для проживания и охраны, уложить чемоданы. Сам удивляюсь, но – успели. Ехали на Кубу втроем: кроме меня – жена Людмила и сын Алексей, ученик выпускного десятого класса школы №9.

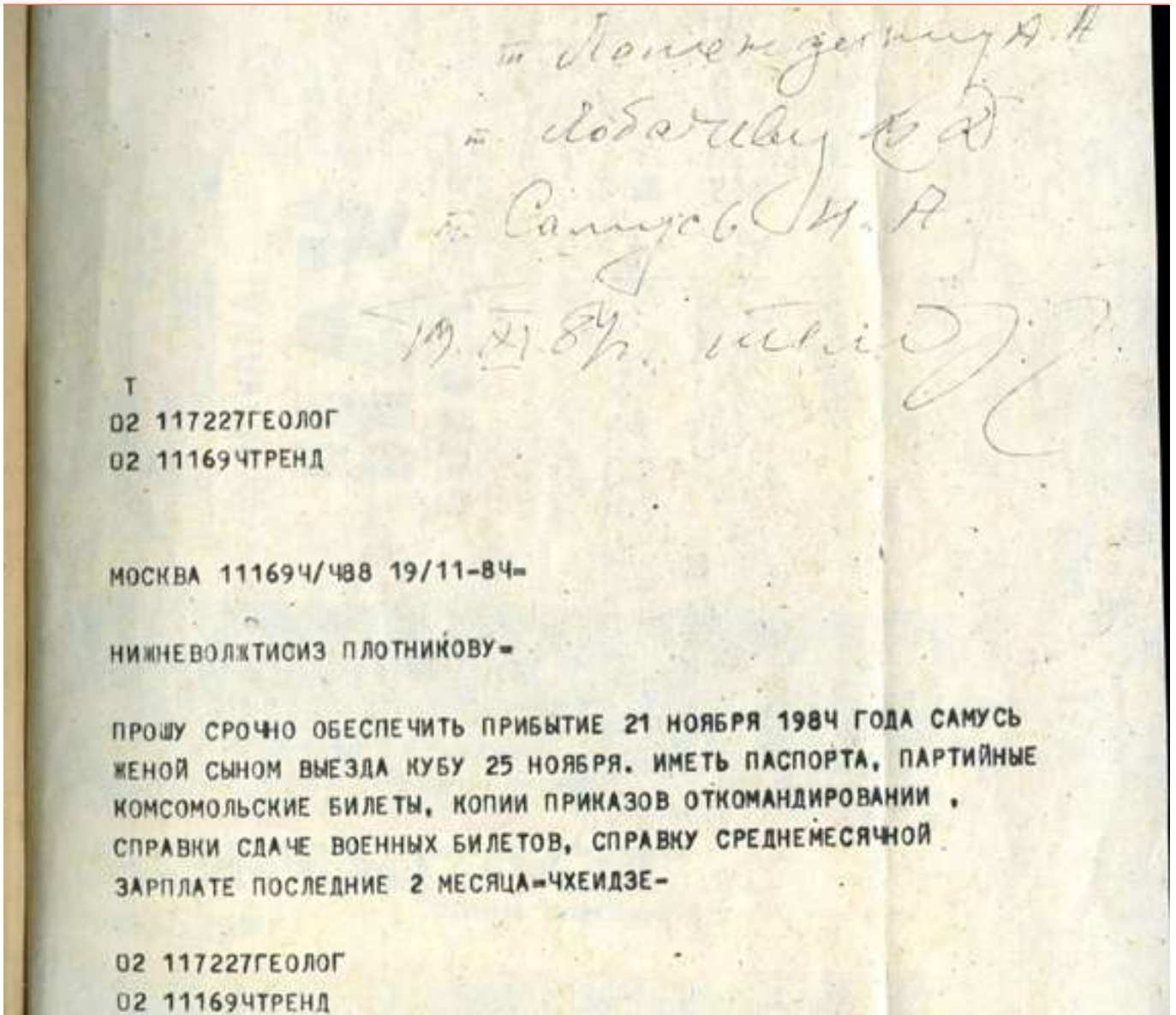

Рис. 1. Факс с резолюцией

В Москве тоже беготня по кабинетам и организациям, сдача партийных документов и паспортов, получение загранпаспортов в синих обложках и билетов на самолёт, обмен денег (около 600 рублей) на дорожные чеки. Бегал по московским инстанциям вместе с геодезистом из ВоронежТИСИЗа Сергеевым Александром Алексеевичем. В здании ЦК на Старой площади через окошко, как в кассе, выдали знаменитую брошюру «как наказ», в ней было около 30 страниц, я потратил на добросовестное чтение более 10 минут, вызвав ворчание работницы...

25 ноября 1984 года вылетели из Шереметьево. Широкофюзеляжный самолёт Ил-86 поразил своими размерами – 9 кресел в ряду с двумя проездами для тележек вдоль салона, ощущение – будто сидишь в кинотеатре. Первая посадка в аэропорту Шеннон (Ирландия). Поразила зелень полей, разделённых на квадратики чёткими рядами зелёных ещё кустов. В здании аэровокзала – огромный магазин с дешёвым «дефицитом», который мы только посмотрели, поскольку валюты ни у кого не было ни копейки. Вторая посадка, опять через 4 часа, в аэропорту Гандер на канадском острове Ньюфаундленд. Канада встретила нас пургой и примерно -8, до здания аэровокзала почти бежали (тёплые вещи оставили родственникам в

Москве) между двух рядов упитанных полицейских. Ещё 4 часа в воздухе с пересечением «Бермудского треугольника» и – Гавана.

Писать о Кубе очень сложно. Написать коротко – очень многое пропустишь из того, что поражало меня, жителя умеренных широт, особенно в части описания флоры и фауны, неповторимого подводного мира, климата... Писать подробно – получится очень толстая книга... Кубу надо ВИДЕТЬ... Я фотографировал своими «Зенитом» и «Горизонтом» направо и налево: всё было новым и интересным. К сожалению, поначалу снимал на чёрно-белую плёнку, нашу знаменитую казанскую «Тасму» (негативная шосткинская плёнка «Свема» из продажи почему-то исчезла, перед отлётом не нашёл). При выемке «Тасмы» из фотоаппарата и перемотке раздавалось сухое потрескивание, и в тёмном помещении хорошо было видно, как по плёнке бежит мини-молния, оставляя на фото вечный отпечаток ветвистого электрического разряда в виде диковинного растения, как снежная наледь на замерзающем оконном стекле. Позже снимал на обратимую цветную немецкую плёнку (слайды), а проявлять отдавал в фотолабораторию, но, увы, со временем эти слайды существенно обесцветились. Чтобы текст не оказался перегруженным, пришлось поместить только маленькую долю из более чем 1400 моих фото, разбавляя их открытками, если свои фото не удавались или не было возможности сделать, как на открытке. А пишу только то, что касалось меня лично.

Название Гавана, как мы привыкли произносить, по-испански звучит иначе. Дело в том, что «Н» в начале слова *Havana* не читается, то есть, не произносится, а *h* часто читается как *v* (наше «в»), то есть, название города в устной речи на самом деле звучит – ла Авана, гаванец – это «аванеро», а гаванка – «аванера». Помню, на переговарном пункте нас потрясло произношение одной киевлянки, громко, с ярко выраженным украинским фрикционным «Г», объяснявшей родственникам, что это звонит Ольга из Гаваны; после чего мы её так и называли «Ольга из Гаваны», нажимая на сочное «Г».

Наконец-то открыли дверь на трап, в салон стал поступать густой, влажный, почти горячий воздух, как в парной. Пока выходили из салона (около 200 человек), сначала я снял пиджак, закатал рукава рубашки, потом снял галстук и расстегнул воротник. Когда ступил на трап и вдохнул эту чистую и горячую смесь, первая мысль – на сколько вдохов меня хватит. Но пока спускались, ехали к вокзалу – придышался... Как позже выяснилось, именно в день нашего прилёта на Гавану накатил редкий для Кубы поток горячего воздуха из Бразилии. Куба расположена в тропическом поясе, в юго-западной периферии североатлантического барометрического максимума, территория её подвержена действию пассатных ветров северо-восточного направления зимой и восток-северо-восточного – летом. Минимальные годовые температуры вызываются вторжением в зимнее время холодных воздушных масс с североамериканского континента, а максимальные (35–36°) – вторжением в летне-осенний период тёплых воздушных масс из экваториальных областей пониженного давления (с бассейна Амазонки) почти с такой же температурой, как на месте. На Кубе нет привычной для нас смены сезонов. Здесь выделяются только дождливый – с мая по октябрь – и сухой – с ноября по апрель – периоды. Я, привыкший к летней волгоградской жаре до 43 градусов, чувствовал себя на Кубе, как в раю. Осенью через остров или рядом с ним проходят тропические циклоны (ураганы), обладающие огромной силой. Всё это я узнал чуть позже, а удушливый бразильский циклон испытал в день приезда, а всего пережил его за три года 2 или 3 раза...

Рис. 2. «Слоновое дерево» вблизи здания ГКЭС

Рис. 3. Типичный зимний пейзаж между Гаваной и Матансасом (вся трава съедена начисто)

Природа Кубы разительно отличается от нашей (рис. 2, 3). Я там не видел ни одного знакомого растения, кроме картошки и кукурузы американского происхождения. Даже сосны – другие, трёхигольчатые (кубинская сосна «пино»), а из животного мира знакомыми были только воробьи, да белые цапли.

В аэропорту нас встречал руководитель группы Геннадий Иванович Никитин. Пока получали багаж, проходили таможеню, меняли дорожные чеки на песо – стемнело. При свете фар по дороге в город мимо проносились какие-то пальмы, улицы, повороты, возле здания ГКЭС, где мы получали вводные инструктажи, стояли не менее получаса, вдыхая непривычный тропический смрад гниющей копры – ворсы из оболочки кокосовых орехов (которого позже я не замечал), затем отправились в гостиницу.

Гостиница «Бристоль» (рис. 4) в Старой Гаване – исторической части города, с узкими, всегда забитыми людьми улочками – была пересадочным пунктом для вновь прибывающих советских специалистов («советикос») перед тем, как поселиться в квартиру. Геннадий Иванович вкратце рассказал, где найти столовую, как проехать в консульство. Остальное время велел сидеть в гостинице. «А на работу?» – «Сидите! Иначе вас долго не переселят в квартиры». В итоге мы «сидели» 9 дней, после чего нас переселили в посёлок Флорес (Цветы) муниципии Плайя (Пляж) на западе Гаваны. Только Алексея каждое утро провожали до школьного автобуса (с бодрой кличкой «кукарачо», то есть, таракан), который по набережной Мексиканского залива вёз детей советиков из посёлка Аламар на северо-востоке Гаваны в школу вблизи от старого посольства СССР в западной части Гаваны (новое Посольство СССР ещё западнее старого, вблизи от посёлка Наутико, в то время ещё достраивалось, велась отделка). Назад Алексей уверенно возвращался сам. Я же в теснине Старой Гаваны первое время ориентировался плохо.

Рис. 4. Справа отель «Бристоль» в Старой Гаване, где мы жили 9 дней

Как позже выяснилось, ориентироваться в улицах Гаваны застройки последних 100–150 лет просто: они имеют не названия, а номера. В каждом крупном районе (муниципии), имеющем собственное название, своя независимая нумерация. Все «нечётные» улицы заложены вдоль берега Мексиканского залива, нарастание чисел идёт от берега вглубь острова. Пересекающие их «чётные» идут с нарастанием номеров от центра (от «Старой Гаваны») к окраине. Если нужный вам объект имеет адрес, скажем, 35-я улица между 24 и 26, двигаясь в любую сторону по 3-й улице можно легко сообразить, когда и куда вам надо сворачивать или возвращаться. На перекрёстках на основных магистралях, на всех четырёх углах не далее полуметра от проезжей части дороги стоят каменные, то есть, вечные пирамидки, на гранях которых выбиты легко читаемые с проезжающего транспорта номера улиц; они не обсажены и не заслонены кустами, деревьями или постройками. При *нашем* порядке наименования попробуйте сами определить, где сворачивать, чтобы проехать от улицы Пушкина до улицы Яблоневой, да ещё если на домах за деревьями не видно ни их номеров, ни названия улиц.

Недалеко от «Бристоля» в сторону набережной сохранилась пешеходная улочка Прадо, сплошь вымощенная полированным мрамором (рис. 5). В старые времена здесь под сенью крон тропических деревьев прогуливалась местная знать, а полиция зорко следила, чтобы простолюдины не мешали «обществу».

Рис. 5. Прадо во всём своём блеске

Надо сказать, что все первые дни были забиты посещениями консульства, ГКЭС, старого посольства (там находился партком), инструкциями врачей и т.п. На инструктаже врач нам заявил, что купаться в море разрешается только без снаряжения (а мы привезли с собой маски и ласты). Конечно, мы, когда освоились, ходили в море только в масках. Как-то я перечитал свои записи инструктажа и решил сходить в море без маски, но пробыл в нём минут 10, вышел на берег и потопал домой за маской: было совершенно не интересно, ведь 90% удовольствия получаешь не от болтанки в тёплой, как парное молоко, воде, а от созерцания подводного мира.

Продолжение следует...